

cluding the workers, generated by civil war, had defining impact on development of the Soviet society in the 1920-1930th.

Key words: civil war, power, Urals, society, military and communistic ideology

М.А. Фельдман

**ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА УРАЛЕ
В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И РАБОЧИХ
(проблемы историографии)**

Трудно найти историка, занимавшегося историей Гражданской войны, который бы не обращался к проблеме причин поражения Белого движения. Закономерность поражения Белого движения в советской историографии не вызывала сомнений и вытекала из «исторически более прогрессивного строя», возникшего в октябре 1917 г. При этом региональная специфика чаще всего служила только фоном проявлений общероссийских тенденций. Опыт государственной политики уходящего строя (в данном случае, феодального) оказался малоподходящим для формирующегося нового общества. Победа досталась той стороне, которая смогла более полно использовать новейший мировой опыт: практику милитаризации экономики и общества в годы Первой мировой войны. Однако и консервация этого опыта на долгие десятилетия в конечном итоге обернулась крахом советского государства.

Ключевые слова: гражданская война, Белое движение, государственная политика, Первая мировая война

Трудно найти историка, занимавшегося историей Гражданской войны, который бы не обращался к проблеме причин поражения Белого движения. Закономерность поражения Белого движения в советской историографии не вызывала сомнений и вытекала из «исторически более прогрессивного строя», возникшего в октябре 1917 г. При этом региональная специфика чаще всего служила только фоном проявлений общероссийских тенденций.

Уральская тематика занимала весомое место в историографии Гражданской войны в России в силу важного значения военной промышленности края в оборонном потенциале страны, а также из-за уникального состава белого движения, в составе которого участвовали тысячи рабочих казенных горнозаводских округов Урала. Замолчать такое

очевидное явление – «неклассическое» поведение рабочих – по крайней мере, в отношении восстания ижевско-воткинских рабочих – было невозможно, и советские историки вынуждены были писать о сохранении качественных отличий кадровых рабочих Урала от схематичной и псевдоуниверсальной марксистской модели пролетариев. Характерным можно считать вывод авторов коллективной монографии «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале», вышедшей в Свердловске в 1969 г., об огромной роли поземельных отношений в хозяйственной жизни значительной части промышленных рабочих Урала. Так в 1912 г. на 107 408 ревизских душ уральских казенных заводов приходилось 924 723 десятины земельных наделов. В Екатеринбургском уезде, *типичном для горнозаводского Урала*, до революции около половины хозяйств мастеровых имели лошадей, две трети хозяйств – коров, почти три четверти хозяйств – мелкий скот²⁹³.

Из трудов советских историков, сумевших выдержать испытание временем, следует выделить работу Г.З. Иоффе²⁹⁴, указавшего причины перемены позиции крестьянства Урала и Сибири в 1919 г. Колебания (если не сказать – метания) белой власти – от издания в июле 1918 г. Временным Сибирским правительством закона о возвращении владельцам их имений до отмены этого закона Советом министров А.В. Колчака в апреле 1919 г. – не меняли главного: фактически антибольшевистские правительства оставляли крестьян на положении арендаторов земель, которые жители сел и деревень считали своими²⁹⁵, тем самым подталкивая крестьянство к сопротивлению антибольшевистскому режиму.

В монографии Иоффе содержалось тонкое наблюдение, недооцененное исследователями в 90-е гг. XX – начале XXI в.²⁹⁶, в отношении того, что при активной социальной политике в сфере труда белых правительств на Востоке страны в 1918–1919 гг. (создании министерства труда, лояльном сотрудничестве большинства профсоюзов с органами министерства труда на местах²⁹⁷), определяющим фактором выступал не законотворческий процесс, воссоздававший социальные завоевания Временного правительства, а систематическое невыполнение нормативных документов, регламентирующих трудовые отношения, со стороны

²⁹³ Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969. С. 66–67.

²⁹⁴ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.

²⁹⁵ Там же. С. 181, 184.

²⁹⁶ См.: Никонова О.Н. Социально-экономическая политика правительств «демократической контрреволюции» и диктатуры Колчака на Урале (1918–1919). Челябинск, 1996; Коробкин А.А. Отечественная историография «демократической контрреволюции» (лето–осень 1918 г.) в России. Екатеринбург, 2003; Ожиганов А.И. Отечественная историография колчаковского режима (ноябрь 1918 г. – январь 1920 г.). Екатеринбург, 2003.

²⁹⁷ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 193.

предпринимателей²⁹⁸. Неслучайно, подводя определенный итог деятельности белого Сибирского правительства в 1918–1919 гг., докладная записка Иркутского комиссариата труда отмечала: большинство предпринимателей не выполняют законы о труде; для них характерно пренебрежение охраной труда (законы о женском и детском труде находятся «в полном забвении»); в отношении между «нанимателем и нанимаемыми господствует полнейший произвол»²⁹⁹.

Из работ постсоветского периода, посвященных истории Гражданской войны на Востоке страны, следует отметить статью А.В. Иванова «Воля случая или историческая закономерность? Размышления о причинах поражения белого движения в Гражданской войне»³⁰⁰, сделавшего попытку систематизировать причины поражения белых войск на Урале и в Сибири. В том порядке, в котором эти причины были названы в статье, их можно распределить следующим образом: *неравенство экономических потенциалов красного и белого лагерей*, поскольку Петроград и ЦПР, давшие в годы Первой мировой войны основную часть военной продукции, постоянно находился под советским контролем³⁰¹; *большая гибкость аграрной политики большевиков, чем политики белых правительств*, так как она в большей степени учитывала сиюминутные интересы крестьянства, решившись на уравнительный передел земли. Хотя советская власть и душила крестьян продажной торговлей, но все же вложила в руки крестьян вождьленную землю. Белые же не дали ничего, кроме отмены хлебной монополии, что принесло осязаемую выгоду лишь сравнительно немногочисленному слою наиболее зажиточных крестьян, производивших большое количество товарного хлеба³⁰².

Свособразная трудовая повинность была установлена и для городских кустарей с принудительным трудом при низкой его оплате, что не способствовало росту симпатий к белым властям со стороны средних городских слоев³⁰³.

Одной из весомых причин поражения белых стала *узкая (на протяжении относительно длительного времени) социальная база призыва в армию*. В частности, Постановление совета министров колчаковского правительства от 4 марта 1919 г. предусматривало поголовный призыв в ряды Белой армии мужского городского населения в возрасте от 18 до 35 лет.

²⁹⁸ Там же. С. 189–192.

²⁹⁹ Там же. С. 188.

³⁰⁰ Иванов А.В. Воля случая или историческая закономерность? Размышления о причинах поражения белого движения в Гражданской войне // Белая армия. Белое дело. 2003. № 12. С. 5–27.

³⁰¹ Там же. С. 7.

³⁰² Там же. С. 12.

³⁰³ Там же.

имеющего образование в объеме не ниже 4 классов школы³⁰⁴. Мера, практически отсекающая рабочих Урала и Сибири (в своей массе не имевших такого образования³⁰⁵) от воинской повинности.

На отношении казачества к белым негативно сказались проводившиеся в казачьих районах поголовные мобилизации. «выкачивавшие» почти все трудоспособное мужское население. Так, например, в Оренбургском и Уральском казачьих войсках мобилизации подлежали все казаки в возрасте от 17 до 55 лет; были отменены льготы по имущественному и семейному положению, состоянию здоровья. Поголовная мобилизация имела и оборотную сторону. Ее результатом был упадок казачьего хозяйства. В первую очередь удар пришелся по бедным и средним хозяйствам, не имевшим возможности найма рабочей силы. В результате *в среде казачества стал нарастать и усиливаться протест, вылившийся осенью 1919 г. в отказ основной массы казаков от военных действий на стороне белых*³⁰⁶.

В то время как большевики прилагали усилия для привлечения на свою сторону национальных движений, белые правительства сделали все, чтобы их от себя оттолкнуть. *Курс на ограничение автономистских устремлений националистов* наглядно проявился во взаимоотношениях Российского правительства Колчака с валидовцами. Уже через три дня после прихода к власти Верховным правителем была издана директива, в соответствии с которой упразднялись башкирское войсковое управление и штаб Отдельного башкирского корпуса. Все башкирские части включались в русские соединения, а формирование новых национальных частей не допускалось. Это подтолкнуло башкир к поиску компромисса с Советской властью. Их переговоры с делегацией СНК завершились подписанием 8 февраля 1919 г. соглашения, в соответствии с которым башкирское правительство обязалось повернуть оружие против белых и установить на подконтрольной территории советскую форму правления³⁰⁷.

Еще одной причиной поражения стало фактическое *предательство союзников*: после капитуляции Германии и ее союзников командование чехословацкого корпуса заявило, что сражаться за власть Колчака оно не станет и потребовало отвода своих частей в тыл под угрозой немедленного оставления фронта. В середине января 1919 г. корпус был снят с передовых позиций и приступил к охране Сибирской железной дороги. Необоснованными оказались и надежды на всестороннюю по-

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ См.: Фельдман М.А. Мир грамоты и образования промышленных рабочих России и СССР (1900–1941 гг.) // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 13–30.

³⁰⁶ Иванов А.В. Указ. соч. С. 12–13.

³⁰⁷ Там же. С. 14.

мощь антигерманской коалиции. Поражение Германии и заключение с ней мира означали исчезновение главного фактора союзнической интервенции. К тому же союзники не хотели сильной единой России. Характерными стали поставки некомплектного оружия и оборудования: английских пушек без прицелов, французских разукomплектованных пулеметов³⁰⁸.

Ноябрьский переворот Колчака в ноябре 1918 г. по замыслу его организаторов должен был спасти Белое движение на Востоке страны от развала и усобиц. Однако результат оказался противоположным планируемому. *Переворот внес еще больший раскол в антисоветский лагерь.* Исход эсеров – наиболее влиятельной социалистической партии – из лагеря антибольшевистского движения имел роковые последствия для белых. Не имея опыта государственного правления, социалисты были слабы в качестве администраторов. Но в качестве политических агитаторов и организаторов они были чрезвычайно сильны³⁰⁹. Между тем, как подчеркивает В.И. Голдин, умеренные социалисты были способны привлечь на сторону антибольшевистского движения значительные слои населения³¹⁰. Следствием этого стало исчезновение, «растворение» социальной базы у тех политических сил, которые пытались найти «третий путь», исключавший крайности как «левого», так и «правого» толка.

Анализ политического поведения промышленных рабочих – социального слоя, от которого во многом зависел исход Гражданской войны в России – не входил в круг задач публикации Иванова. Тем не менее, статья Иванова своим комплексным подходом выгодно отличается от многочисленных работ последних двух десятилетий, затрагивающих, главным образом, отдельные аспекты названной проблематики.

Так монография Д.Г. Симонова «Сибирская белая армия в 1918 г.» обращает внимание на постоянное численное превосходство красных на всем протяжении военных действий в 1918 г. Например, общая численность активных борцов с советской властью весной 1918 г. на территории Урала и Сибири не превышала 20–25 тыс. человек. Это был высокoбоевой контингент, состоящий в основном из офицеров и казаков. В рядах Красной армии и Красной гвардии к этому времени насчитывалось около 100 тыс. бойцов³¹¹.

³⁰⁸ Там же. С. 14–15.

³⁰⁹ Там же. С. 16–17.

³¹⁰ Голдин В.И. Среди «замазанных» фигур. Белое движение: перспективы исследования // Родина. 2008. № 3. С. 6.

³¹¹ Симонов Д.Г. Сибирская белая армия в 1918 г. Новосибирск, 2010. С. 94.

В период с мая по декабрь 1918 г. в условиях слабой организации воинских формирований красного и белого лагерей, решающим моментом (с точки зрения оперативной-тактической) стало выступление на стороне белых частей чехословацкого корпуса. П.Н. Зырянов – автор наиболее глубоко исследования о деятельности адмирала Колчака и его армии – указывает на то, что среди действующих на Восточном фронте белогвардейских частей на долю войск чехословацкого корпуса (сентябрь 1918 г.) приходилось до 40 % сил антисоветской коалиции³¹². Выход подразделений чехословацкого корпуса из зоны боевых действий, означавший, по сути, предательство интересов белого движения, привел к еще большему численному превосходству красных. Более того, покинув фронт, эшелоны чехов, действуя исключительно в своих интересах, фактически как оккупанты, блокировали, либо, по меньшей мере, затруднили передвижение по Транссибирской железной дороге³¹³.

В целом, даже с учетом того, что Зырянов не ставил специальной задачи объяснения причин поражения Колчака, цепь отдельных фактов приведенных в его монографии, не использовавшихся или использовавшихся крайне редко (двойное превосходство в людских ресурсах территории красных; опора режима Колчака на промышленно неразвитую Сибирь; картина раздора белых и казачьих командиров; масштаб противоборства с эсерами; отказ от милитаризации промышленности (до сентября 1919 г.); нищенское жалование в белой армии при наличии золотого запаса; разрозненность территорий Белого движения; картина эгоистического предательства чехов), свидетельствует о многом.

Промедление с милитаризацией промышленности обернулось для колчаковской армии постоянной нехваткой вооружений и боеприпасов. Разительной картиной стали процессы в экономике Советской России. В 1918 г. большевиками был проведен целый комплекс важнейших мероприятий: осуществлена национализация и мобилизация военной и других отраслей промышленности, централизовано управление ею, взяты на учет квалифицированные кадры, проведена в жизнь милитаризация труда (перевод рабочих и служащих на положение мобилизованных с прикреплением к предприятиям, самовольное оставление которых приравнивалось к дезертирству). На советской территории к сентябрю

³¹² К сентябрю 1918 г. на Восточном фронте находились около 70 тыс. красных и 55 тыс. белых бойцов: 20 тыс. – чехословаки; 15 тыс. – Народная армия; 15 тыс. – оренбургские и уральские казаки; 5 тыс. – ижевцы и воткинцы. См.: Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2006. С. 389.

³¹³ Там же. С. 536–537.

1919 г. действовало 59 военных заводов. 330 предприятий обеспечивали интендантское снабжение армии³¹⁴.

В еще одном исследовании, посвященном деятельности Колчака. И.Ф. Плотников, в целом симпатизируя адмиралу, отметил, что кровавая расправа над эсерами и меньшевиками – членами Учредительного собрания осталась пятном на правительстве Колчака и на нем лично, а главное – она внесла глубокий раскол в ряды антибольшевистского фронта на Востоке страны, сузив социальную опору белой власти³¹⁵.

Убедительной представляется и оценка Плотниковым эффективности деятельности аппарата управления колчаковского режима. Правительство Колчака, претендовавшее на роль общероссийского, а затем признанное таковым, увлеклось государственным строительством, формированием штатов министерств, других учреждений без всякой меры. Штаты оказались чрезмерно раздутыми. Многочисленные учреждения заполнили зачастую малоквалифицированные люди. *Громоздкий аппарат становился малоэффективным*³¹⁶. Отмеченная особенность не являлась характерной только для колчаковского режима: неэффективность и коррупция; соперничество военных и политических лидеров были характерны практически для всего государственного аппарата белогвардейской России³¹⁷. Однако неэффективность аппарата управления не дает еще основания для утверждений (например, у английского историка Д. Смита) о том, что корнем многих военных и политических неудач Белого движения в Сибири был сам адмирал Колчак³¹⁸.

Всесомой причиной поражения белых стало то, что социальная политика в сфере труда в Советской республике выгодно отличалась от аналогичной в белом лагере. Главный недостаток рабочей политики белых правительств, по обоснованному мнению В.М. Рыноква³¹⁹, состоял в том, что она была направлена на решение проблем второго плана, в то время как первоочередные, связанные со своевременной оплатой труда и снабжением рабочих, никак не регулировались государством³²⁰.

³¹⁴ Ганин А.В. «Помнят псы-атаманы, помнят польские паны...». Почему побеждала Красная армия // Родина. 2011. № 2. С. 19.

³¹⁵ Плотников, И.Ф. А.В. Колчак: исследователь, администратор, верховный правитель России. М., 2003. С. 123.

³¹⁶ Там же. С. 128.

³¹⁷ См.: Голдин В.И. Среди «замазанных» фигур. С. 6, 7.

³¹⁸ См.: Повикова Л.Г. Гражданская война в России в современной историографии // Отечественная история. 2005. № 6. С. 144.

³¹⁹ Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на Востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск, 2008.

³²⁰ Там же. С. 98, 112.

За недолгий период правительств «демократической контрреволюции» им удалось разработать и утвердить примерно одинаковый пакет законов и законопроектов об охране труда: о 8-часовом рабочем дне, о найме и увольнении рабочих, о страховании на случай болезни и производственной травмы, о примирительных камерах и биржах труда и др. Часть законодательных актов была взята за основу при подготовке постановлений колчаковского правительства и вступила в силу уже в период военной диктатуры³²¹.

При реализации принятых документов, правительствам «демократической контрреволюции», а с конца ноября 1918 г. – и Колчака, приходилось учитывать позицию предпринимательских слоев. С учетом того, что съезд предпринимателей-владельцев торговых и промышленных предприятий Урала и Сибири (июль 1918 г.) и Уральский торгово-промышленный съезд (октябрь 1918 г.) высказались *против* использования социальной практики Временного правительства³²², создавался глубокий зазор между действием законов «на бумаге» и в реальной жизни.

Знаменательно, что уже в июле 1918 г. в резолюции по организации общегосударственной власти съезд предпринимателей-владельцев торговых и промышленных предприятий Урала и Сибири решительно высказался за «твердый государственный порядок» и управление в форме *диктатуры*³²³. Такое *расхождение законодательных правительственных актов и позиции буржуазии* создавало дополнительное напряжение в сфере трудовых отношений. Поскольку позиция предпринимателей воплощалась в практические действия вполне определенной направленности, как до колчаковского переворота³²⁴, так и в период правления Колчака³²⁵, подобные шаги усиливали нестабильность антибольшевистской власти, обуславливая скоротечность существования не только правительств «демократической контрреволюции», но и Белого движения на Востоке страны в целом.

В научной литературе отражены два показательных выступления министра труда колчаковского правительства Л.И. Шумилова. Выступая в конце ноября 1918 г. на Чрезвычайном государственном экономическом совещании, созванном по поручению Колчака, министр

³²¹ Пиконова О.Ю. Социально-экономическая политика правительств «демократической контрреволюции»... С. 16.

³²² Тяньев А.П. Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.). Свердловск, 1930. С. 20, 43–44.

³²³ Там же. С. 20.

³²⁴ См.: Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 188.

³²⁵ Весной 1919 г. исполком Совета профсоюзов Сибири сообщал в министерство труда о бесчинствах, насилии и преследовании в отношении профсоюзов и их руководителей на местах. Губернские, областные и уездные инспекторы труда оказывались бессильными // Там же. С. 193.

обратил внимание на «негативное отношение в обществе к рабочим, как к врагам государственности и демократии»³²⁶, подразумевая под термином «общество», прежде всего, предпринимательские круги и офицерство. Спустя практически год, осенью 1919 г., Шумиловский в докладной записке премьеру правительства признал «полный крах рабочей политики», а существование своего министерства в госаппарате сравнил с положением «инородного тела»³²⁷. Даже с учетом эмоционального влияния тяжелых поражений армии Колчака на Восточном фронте на автора докладной записки, приведенный документ свидетельствует: самое прогрессивное социальное законодательство может мало что значить в реальной жизни.

По верному наблюдению О.Ю. Никоновой, курс военной диктатуры Колчака в области промышленного производства формировался правительством в условиях ожесточенной дискуссии двух групп буржуазии, где одна продолжала защищать идею государственного регулирования, а другая настаивала на принципах свободного рынка³²⁸. По мнению Никоновой, несмотря на то, что победа осталась за «рыночниками», денационализацию промышленности так и не удалось провести в полном объеме³²⁹. Приведенный выше материал позволяет скорректировать такой вывод применительно к сфере труда: если в сфере законодательной политики белых правительств налицо было торжество государственного регулирования, то в реальности социальную практику в рабочей среде определяли действия «рыночников»-предпринимателей, игнорировавших законы о труде.

Гражданская война наложила свою специфику на указанное противоречие. Сколько ни значимы были переход значительной части рабочих на сдельную оплату труда (в уральском регионе такой переход реально произошел с осени 1918 г.); действие механизмов индексации заработной платы; восстановление института больничных касс; толерантность профсоюзов и гибкость поведения промышленников; другие меры социальной политики, позволившие отдельным группам рабочих, «несмотря на тяжелейшие условия жизни, оставаться твердой опорой режиму»³³⁰, в условиях войны это были действительно «проблемы второго плана». Поскольку инфляция «пожирала» ставки социальных

³²⁶ Дмитриев Н.И. Чрезвычайное экономическое совещание: как это было // Белая армия. Белое дело. 1996. № 1. С. 86.

³²⁷ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 188, 194.

³²⁸ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика колчаковщины глазами современных исследователей // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. 1994. № 1. С. 95.

³²⁹ Там же. С.95.

³³⁰ Рышков В.М. Указ. соч. С. 164 173, 211 215.

трансфертов намного быстрее, чем они индексировались³³¹, на первый план выходила система натурального снабжения работников по найму. Качество социальной политики правительства Колчака существенно ухудшила и непродуманная денежная реформа – устранение «керенок» достоинством в 20 и 40 рублей: Сибирь была наводнена «керенками» из Советской России, где их печатали произвольно³³².

В целом, можно отметить, что оценка социальной политики в сфере труда в белом лагере в последние два десятилетия стала более взвешенной. Тезис об однозначном ухудшении положения рабочих, доминировавший в советской историографии, по крайней мере, до выхода новаторской для того времени монографии Иоффе «Колчаковская авантюра и ее крах» в 1983 г.³³³, сменился на признание демократичности содержания рассматриваемых правовых документов. Однако это не противоречит утверждению В.Д. Камынина о том, что «современные историки весьма негативно оценивают реальные достижения социальной политики и правительств “демократической контрреволюции” и диктатуры Колчака»³³⁴.

Там, где лидеры белого лагеря (особенно, правительства «демократической контрреволюции») делали ставку на соблюдение законодательства о труде и – важного для мирного времени – повышения денежной части оплаты труда, на биржи труда, основная функция которых сводилась к учету непрерывно возрастающего числа безработных и содействию в найме рабочей силы³³⁵, советские структуры власти занимались централизованным распределением продовольствия и производственной одежды³³⁶, без сомнения, на основе невиданной в истории первых десятилетий XX в. конфискации. Именно «очевидное недопонимание белыми значения натурального снабжения отдельных групп рабочих и служащих» в условиях дефицитной экономики привело к тому, что государственные чиновники не считали продовольственное обеспечение занятых на предприятиях первостепенной задачей. Результатом такой политики стал не только срыв планов подвоза продовольствия на уральские заводы³³⁷, но и поддержка большинством рабочих той

³³¹ Там же. С. 220.

³³² Дмитриев П.И. Указ. соч. С. 78.

³³³ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика колчаковщины глазами современных исследователей. С. 91–92.

³³⁴ Камынин В.Д. Альтернативы гражданской войны в отечественной историографии // Урал в событиях 1917–1921 гг.: актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. С. 8.

³³⁵ См.: Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 190.

³³⁶ См.: Шиловцев А.В. Социальная политика советской власти на Урале в годы Гражданской войны. Екатеринбург, 1994.

³³⁷ Рынков В.М. Указ. соч. С. 174, 175.

власти, которая смогла решить указанную проблему, не считаясь с социальной ценой и чудовищными «издержками».

В документах Белого движения зафиксирована и негативная реакция рабочих Урала и Сибири (поверивших за время пребывания у власти большевиков, что только рабочие есть основа жизни и им одним должна принадлежать власть) на идею (даже нереализованную) денационализации промышленных предприятий³³⁸. Как видно, реформистские сдвиги в трудовом законодательстве в годы войны ценятся и принимаются населением только в тесной связи с величиной продовольственного пайка.

Все названные причины поражения Белого движения анализировались на примере Восточных районов России, однако, сравнение с работами, посвященными событиям на Севере³³⁹, Северо-Западе³⁴⁰ и Юге России³⁴¹, в целом истории белой государственности как в отечественной историографии³⁴², так и в зарубежной³⁴³ – позволяет говорить об универсальности названных факторов. Территориальная разобщенность Белого движения, отсутствие единой военной стратегии и четкого взаимодействия белых армий, наряду с неспособностью белых правительств решить аграрно-крестьянский вопрос и обеспечить поддержку сельской России рассматриваются как стратегические причины краха белогвардейцев в Гражданской войне³⁴⁴.

Общепринятым стало признание важнейшим преимуществом Советской России опоры на промышленно и культурно развитый густонаселенный центр страны; густую сеть железных дорог. За спиной у белых была слаборазвитая сеть железных дорог (особенно на Севере и Востоке), упиравшаяся в море. Большевики получили в свое распоряжение фактически все органы высшего управления старой армии, что позволило опираться на готовый аппарат³⁴⁵. Аналогичные меры были предприняты и в экономике: не фабзавкомы, а органы управления, созданные в годы Первой мировой войны в центре и на местах, составили основу

³³⁸ См.: Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика правительств «демократической контрреволюции»... С. 155.

³³⁹ См.: Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере, 1918–1920 гг. М., 1993; То же. Россия в Гражданской войне: очерки новейшей историографии (вторая половина 1980–90-е годы. Архангельск 2000.

³⁴⁰ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. 1918–1920 гг. СПб., 1999.

³⁴¹ Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на Юге страны (1917–1920 гг.). М., 2003.

³⁴² Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М., 2004.

³⁴³ См.: Новикова Л.Г. Гражданская война в России в современной историографии // Отечественная история. 2005. № 6. С. 142–158.

³⁴⁴ См., напр.: Голдин В.И. Среди «замаянных» фигур... С. 6.

³⁴⁵ См.: Ганин А.В. Указ. соч. С. 18.

ВСНХ и совнархозов³⁴⁶. В одном и том же тексте историк советского времени, произнеся ритуальные слова «в промышленных центрах профсоюзы и фабзавкомы принимали *решающее* участие в создании местных губернских и уездных совнархозов»³⁴⁷, указывал (на примере Урала), что Заводское совещание Уральского района в октябре 1917 г. было реорганизовано и превращено в экономический отдел окружного Совета рабочих и солдатских депутатов³⁴⁸.

Наконец, фактически за полгода активных военных действий (с мая по ноябрь 1918 г.) в Советской республике была создана централизованная система единого военного, политического и экономического руководства, возглавляемая Советом Рабочей и Крестьянской обороны³⁴⁹.

Среди слабоизученных причин поражения белых следует назвать принципиально разный масштаб поддержки рабочими советского режима и антисоветских правительств. Даже там, как например, в Ижевско-Воткинском районе, где рабочие с оружием в руках поддерживали Белое движение, отношение белого командования к рабочим антисоветским формированиям было, в конечном итоге, достаточно прохладным³⁵⁰. Советские лидеры же сделали очевидную ставку на укрепление социальной базы своего режима за счет «орабочивания» правящей партии, сумев нарастить рабочую прослойку в ней за 1918–1920 гг., с 65,4 до 240 тыс. человек; смогли увеличить долю рабочих до 30–50 % среди управленческого корпуса ответственных работников, депутатов Советов всех уровней, руководителей в промышленности³⁵¹. Рабочие не являлись большинством аппаратных работников, как это утверждала советская литература, но были существенной его частью. Рабочие, в силу общей малограмотности, без сомнения, не усиливали состав управленцев, но укрепляли психологическую уверенность, по крайней мере, части своих собратьев по классу в том, что советская власть – «своя».

Характерны данные об участии рабочих в составе Красной и Белой армии. По приблизительным подсчетам, в Красную армию в 1918–1920 гг.

³⁴⁶ См.: Дробязев В.З. Главный штаб социалистической промышленности (очерки истории ВСНХ. 1917–1932 гг.). С. 74, 77–79.

³⁴⁷ Баевский Д.А. Роль совнархозов и профсоюзов в организации социалистического промышленного производства в 1917–1920 гг. С. 7.

³⁴⁸ Там же. С. 4.

³⁴⁹ См. подр.: Голдин В.И. Паутина из легенд: Красная армия Гражданской войны: историографические размышления // Родина. 2011. № 2. С. 2–11.

³⁵⁰ См., напр.: Каревский А.А. К истории антибольшевистского восстания в Ижевске и Воткинске: вооруженные формирования Прикамья летом–осенью 1918 г. // Ижевско-Воткинское восстание. / Под ред. В.Ж. Цветкова. М., 2000. С. 5–12.

³⁵¹ Гимпельсон Е.Г. Рабочий класс в управлении Советским государством (ноябрь 1917–1920 гг.). М., 1982. С. 90, 92, 287, 289.

было направлено около 940 тыс. рабочих, из них половина промышленных (т.е. 470 тыс. человек). Согласно переписи 1920 г. в Красной Армии было 14,9 % рабочих (и 77,7 % крестьян). При этом в войсках на фронте доля рабочих в Красной Армии достигала 16–21 %, а среди курсантов военно-учебных заведений 42 %³⁵². Сам факт участия примерно 13 % рабочих промышленности (1917 г.) в боевых действиях на стороне красных говорит о способности большевиков налаживать связи с пролетарскими слоями населения.

При весьма высокой степени допущения (в силу специфичности источника), интерес представляет социальный анализ анкет белых эмигрантов (1922 г.), проведенный в 1996 г. Ю.Н. Цыпкиным. Из числа бывших военнослужащих белой армии рабочих насчитывалось 7 %, крестьян – 45 %, казаков – 19 %; на мещан, купцов, лиц духовного звания приходилось 17 %, на дворян – 2 %³⁵³. Как видно, на самые многочисленные социальные слои (крестьяне, рабочие) в армии красных приходилось почти 83 %, у белых – 52 %.

Подведем итог. За последние два десятилетия историками сделан существенный шаг вперед в познании истории Белого движения, включая комплекс причин поражения антибольшевистских сил. Уточнены и получили объективную оценку: качество состава и вооружений белой армии; степень эффективности социальной политики в сфере труда; проанализированы причины, приведшие к узости социальной базы белых. В меньшей степени этот вывод может быть отнесен к анализу реальной поддержки белого и красного лагерей со стороны рабочих. До сих пор нет ответа на вопрос, что из себя представляло вхождение рабочих в советские госструктуры: чисто формальный акт, или нечто другое? Можно ли говорить о формировании к 1921 г. социального слоя рабочих, прочно связавшего свою судьбу с советским режимом? Многое мог бы дать конкретный анализ судеб рабочих, ставших управленцами.

Сама незавершенность формирования буржуазного общества в России требует оперирования инструментаризмом сословного общества и только в меньшей степени – классового. В этом случае, причины и содержание Гражданской войны предстанут, как связанные с борьбой представителей сословий за сохранение правовых и имущественных привилегий. Однако представители привилегированных сословий составляли в России заведомое меньшинство. Идея ликвидации сословных прав (в различных социалистических и квазисоциалистических вариантах) активно использовалась леворадикалами и находила широкую социальную поддержку. В этом плане, реализуя задачи буржуазной революции, Гражданская война в России.

³⁵² Там же. С. 220–222.

³⁵³ Цыпкин Ю.Н. Белое движение в Сибири: люди, идеи, реальность // Белая армия, Белое дело. 1996. № 1. С. 45.

«проскакивая» возможные цивилизационные варианты развития (включая и возможность длительного периода эволюционного сближения правового статуса сословий), привела страну к военному режиму, но, в отличие от Наполеоновского государства, острей агрессии советского строя было направлено против собственного народа.

Институт, способный сохранить сословный строй – монархическое государство – оказался скомпрометированным за годы мировой войны и рухнул в феврале 1917 г., не получив какой-либо массовой поддержки. Помимо этого, весомой причиной поражения антибольшевистского движения стало то, что, целенаправленно обращаясь за поддержкой к дворянству, купечеству, казачеству, духовенству, лидеры белых игнорировали факторы, заметные, скорее политикам и ученым, чем генералам и адмиралам, а именно: *раскол и социальную дифференциацию внутри сословий*³⁵⁴. Россия оставалась преимущественно аграрной страной, но победа в войне зависела от действенного и эффективного контроля за промышленностью и привлечения на свою сторону индустриальных рабочих, инженерно-технического персонала, предпринимателей. Последнее требовало рассмотрения социальных действий на рынке труда в качестве важнейшего направления государственной политики. Не сумев решить указанную задачу, превратить рабочих России (и Урала в частности) в прочных союзников белого лагеря (напомним, предпосылки к этому в уральском регионе имелись), лидеры антисоветской коалиции на Востоке страны не смогли удержать Урал, важнейший промышленный район России в 1919–1920 гг. Потеря Урала, отсутствие иных индустриальных центров в Сибири и на Дальнем Востоке, означали неизбежное поражение белых войск.

Не менее важным фактором стало неумение и нежелание руководителей Белого движения заручиться поддержкой интеллигенции, что не позволило выработать единую идеологию и стратегию движения, мобилизовать общественное мнение в свою пользу³⁵⁵; привлечь на свою сторону большинство технических специалистов, работников культуры и образования – те слои, без которых немислимы модернизационные процессы, даже в варварской, сверхмилитаризированной форме и фрагментарном исполнении.

Опыт государственной политики уходящего строя (в данном случае, феодального) оказался малоподходящим для формирующегося нового общества. Победа досталась той стороне, которая смогла более полно использовать новейший мировой опыт: практику милитаризации экономики и общества в годы Первой мировой войны. Однако и консервация этого опы-

³⁵⁴ Наиболее ярким примером является значительное присутствие дворян в составе управленцев Советской республики, включая командный состав Красной армии.

³⁵⁵ Голдин В.И. Среди «замазанных» фигур... С. 7.

та на долгие десятилетия в конечном итоге обернулось крахом советского государства.

M. A. Feldman

Feldman Mihail Arkadevich – professor of chair of the public and municipal administration of the Ural institute of presidential academy, the doctor of historical sciences, professor.

**REASONS OF DEFEAT OF WHITE MOVEMENT
IN CIVIL WAR IN THE URALS
IN THE CONTEXT OF RELATIONSHIP OF THE POWER AND
WORKERS
(historiography problems)**

It is difficult to find the historian who was going in for history of Civil war who wouldn't address to a problem of the reasons of defeat of White movement. Regularity of defeat of White movement in the Soviet historiography didn't raise doubts and followed from "historically more progressive system", arisen in October, 1917. Thus regional specifics most often served only as a background of manifestations of the all-Russian tendencies. Experience of a state policy of a leaving system (in this case, feudal) was low-suitable for being formed new society. Victory got to that party which could make use of the latest world experience more fully: to the practician of militarization of economy and society in the years of World War I. However and preservation of this experience for long decades finally turned back crash of the Soviet state.

Key words: civil war, White movement, state policy, World War I
